

ТЫКАНОВА Е. В.

ГОРОД КАК ТЕРРИТОРИЯ НЕРАВЕНСТВА: ОСПАРИВАНИЕ СНОСА ГАРАЖНЫХ СТРОЕНИЙ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

В статье рассмотрены возможности гражданского участия населения в принятии городских политических решений. Теоретической основой статьи выступают прагматическая социология Л. Тевено и «лестница человеческого участия» Ш. Арнштейн. Эмпирической базой работы послужила серия полужурналистских интервью с активистами — владельцами гаражей, выступающими против их масштабного сноса в Санкт-Петербурге. Автор приходит к выводу, что владельцы гаражей прибегают к широкому спектру инструментов оспаривания городского пространства ввиду того, что действия в рамках легального поля оказываются малорезультативными. Сильные группы интересов (городские власти и строительные девелоперы) в большей степени апеллируют к законам, однако также обращаются к спектру других инструментов легитимации своих действий. В итоге взаимодействие городских активистов и властей происходило на уровне «заботы», «информирования» и «манипуляции», согласно теории Арнштейн.

Ключевые слова: оспаривание, городское пространство, конфликт, группы интересов, гражданское участие.

В данной статье под *сильными группами интересов* будут подразумеваться группы, обладающие значительным доступом к пространственным ресурсам, а также обширными возможностями распоряжения городскими пространствами, их трансформации, принятия градостроительных решений и внедрения градостроительных инициатив. Данные ресурсы сильных групп интересов конвертируются в дискурсивные ресурсы оспаривания городского пространства: доступ к СМИ, владение информацией, не доступной слабым группам интересов, возможность решения вопросов в рамках частного дискурса членов группы. В число таких групп могут входить компании-инвесторы и девелоперы и / или городские администрации и парламенты, в редких случаях — горожане.

Слабым группам интересов, напротив, свойственен чрезвычайно ограниченный доступ к пространственным ресурсам, и возможности принимать решения о судьбе городских территорий они зачастую лишены. Вследствие этого им доступны незначительные дискурсивные возможности борьбы: низкая информационная поддержка (владение

законами, закрытыми данными о проектах и т. д.), а также нерегулярный доступ к СМИ. Поэтому такие группы вынуждены оспаривать решения и проекты в области городского (ре)девелопмента, навязанные им сильными группами интересов. В число слабых групп интересов могут входить представители локальных сообществ, НКО, лоббисты интересов горожан, но в определенных ситуациях и представители строительного бизнеса.

Состав представителей той или иной группы интересов не является заранее установленным и ситуативен, т. е. зависит от множества социальных условий, в контексте которых происходит борьба за городское пространство.

Как правило, в число групп интересов не включают городские и иные власти (Heuwood 2011; Monibot 2011), однако мы оправдываем включение городских властей в состав сильных групп интересов предположением наличия симбиоза политических элит и строительных компаний, осуществляющих градостроительную политику в Санкт-Петербурге, действующих сообща и извлекающих обоюдные выгоды.

При анализе процессов оспаривания городских территорий как сильными (задействованными в процессах социального производства пространства), так и слабыми (вовлеченными в социальное конструирование пространства) группами интересов необходимо различать основания действий, к которым прибегают акторы конфликтов. В качестве подобных уровней легитимации позиций могут выступать:

- практические,
- стратегические,
- дискурсивные основания.

Основу теоретического инструментария изучения процесса оспаривания городского пространства сильными и слабыми группами интересов в данной статье составит *прагматическая социология*.

Согласно прагматизму Л. Тевено, от вовлеченности актора в тот или иной тип действия зависит, какие у него будут сформированы представления о реальности. Данные представления порождаются в результате своеобразной проверки реальности действиями в неожиданных ситуациях. Таким образом, актор, действуя в ситуациях неопределенности, множество раз сопоставляет полученные данные опыта, и социальной реальности в конечном итоге придается объективность (Тевено 2006: 6). Впервые подобных вопросов коснулся Э. Дюркгейм, который в своей работе «Элементарные формы религиозной жизни» подчеркнул, что знание не является априорно данным

и имеет свое происхождение из социального опыта: «Нет таких различий, вплоть до различения правой и левой сторон, которые, отнюдь не будучи заложены в природе человека вообще, не были бы весьма вероятным образом продуктом религиозных, стало быть, коллективных представлений» (Дюркгейм 1998: 188). Согласно Дюркгейму, для своего непроблематичного существования в качестве «объективного» институциональный порядок должен пройти своеобразное испытание реальностью, сопоставление с «природой вещей»: «В действительности основной постулат социологии состоит в том, что созданный человеком институт не может базироваться на заблуждении и обмане: иначе он не смог бы существовать достаточно долго. Если бы он не основывался на природе вещей, он встретил бы в вещах сопротивление, которое не смог бы преодолеть» (Дюркгейм 1998: 176). В своем исследовании ритуала Дюркгейм показывает возникновение категорий познания. Тем не менее, как утверждает Л. Тевено, Э. Дюркгейм сосредоточен на изучении того, как социальные институты соотносятся с устойчивыми социальными практиками, подобные испытания реальностью в дальнейшем легли в основу теории прагматизма, однако новый подход в большей степени исследовал не устойчивые практики, а более динамичную составляющую — опыт действия «как источник знания» (Тевено 2006: 10). Таким образом, процесс познания в теории Дюркгейма происходит посредством коллективной практики ритуала, тогда как у прагматистов — в рамках решения практических проблем повседневной жизни. Как отмечает Л. Тевено, разница в теориях Дюркгейма и прагматистов заключается в том, что «Дюркгейма интересует сопротивление реальности, ощущение того, что есть нечто, что превосходит индивида, что является ему в виде коллективных представлений и чем прагматисты вообще пренебрегают» (Тевено 2006: 13).

Теория режимов вовлеченности Л. Тевено призвана найти баланс между номинализмом теории Дюркгейма и субъективизмом социального конструктивизма: «В социологическом объяснении задача проверки их (форм социальных знаний) реальности обычно связана именно с практикой, посредством которой и устанавливается реальность знаний. Однако проверка может откладываться до бесконечности, когда социальные практики настолько близки общественным представлениям, что едва ли с ними не смешиваются, и тогда появляется столь распространенная в социальных науках метафора кода (символического, культурного, эмоционального и т. д.). Возникает огромное искушение... низвести объективное к коллективному и тем самым еще

сильнее укрепиться в социальном конструктивизме. А чтобы избежать ошибки вытекающего из него реализма, следовало бы обратить внимание на проверку коллективных представлений и динамику их пересмотра в процессе проверки реальности» (Тевено 2006: 20).

В основе прагматической социологии Л. Тевено лежит традиция философского прагматизма, восходящая к таким теоретикам, как У. Джеймс и Дж. Дьюи, которые утверждают, что категории понятий всегда опосредованы социальной практикой, а главной целью философии выступает не учения о бытие или познании, а поиск репертуара инструментов для решения практических задач (Джеймс 1997; Dewey 1906). Таким образом, в основании философского прагматизма лежит понимание реальности как неоднократно переживаемого многогранного опыта. Как подчеркивает исследователь теории Л. Тевено О. Ковенева, философский прагматизм выдвигает постулат непосредственного эмпиризма, который обозначает, что «вещи... суть то, как они переживаются в опыте. Поэтому, если кто-то желает дать какой-либо вещи истинное описание, его задача заключается в том, чтобы сказать, как эта вещь переживается в качестве сущего» (Ковенева 2008: 8). Отсюда следует, что социальная реальность конституируется в результате многогранного опыта индивидов, который формируется под воздействием решения множества практических задач, опытного испытания, проверки тех или иных объектов реальностью. Следовательно, Л. Тевено интересуется то, каким образом акторы действуют, попав в нестандартную ситуацию, и каким образом происходит проверка и дополнение социальной реальности посредством полученного опыта (Thévenot 2006).

Особое внимание Тевено уделяет материальному миру, который выступает в качестве важных объектов координации в кризисных ситуациях: «Для понимания того, как знания находят продолжение во внешних объектах, дающих общие ориентиры, полезно рассмотреть вопрос об общих знаниях и представлениях с точки зрения координации социальных акторов в проблемных ситуациях» (Тевено 2006: 33). Данное обстоятельство имеет ценность для изучения процессов оспаривания городского пространства в Санкт-Петербурге, потому что борьба сильных и слабых групп интересов происходит в условиях неопределенности: отсутствия традиции гражданского участия, которая уже выработалась в течение десятилетий борьбы за различные виды прав в Западной Европе и США, непрозрачности рычагов принятия решений относительно трансформации городского пространства, множественности режимов прав собственности и правовой

нестабильности. В конечном итоге как локальные активисты, так и городские власти и инвесторы в каждой ситуации оспаривания городского пространства вынуждены постоянно решать возникающие прагматические проблемы, в результате чего их действия не всегда продиктованы устоявшимися рутинными и зачастую являются креативными (Йоас 2005). Теория Л. Тевено значима для нашего исследования и потому, что его концепция учитывает взаимодействие не только акторов, но акторов, предметов и вещей, оказавшихся в контексте возникающих проблемных ситуаций.

Для объяснения процессов оспаривания городского пространства в условиях его агрессивного девелопмента и выбора инструментов борьбы и отстаивания прав на территорию как со стороны локальных сообществ, так и со стороны администрации Санкт-Петербурга и инвесторов мы обратимся к теории режимов вовлеченности Л. Тевено (*régimes d'engagement*) (Thévenot 1994: 72–101). *Режимы вовлеченности* — социальные действия, в основе которых лежит прагматическое испытание — «испытание реальностью», исход которого заранее не известен (Тевено 2006: 297). Это обстоятельство важно для изучения оспаривания городского пространства, поскольку эти процессы в постсоветском городе зачастую происходят в ситуациях неопределенности. Необходимо отметить, что каждый режим вовлеченности характеризует «направленность на ту или иную форму блага большей или меньшей степени обобщения, определяющую оценочное суждение» (Ковенева 2008: 12). Данный вид блага может выступать в форме «общего блага, или результатом запланированного действия, или даже более ограниченного блага, способствующего приспособлению к привычному окружению» (Тевено 2000: 85). Как отмечает Л. Тевено, понятие режима вовлеченности имеет отличия от понятия социального действия, которые заключаются в том, что режим вовлеченности «акцентирует внимание на типичных свойствах, приписываемых и агентам окружающей среды, и вовлеченному [в действие] “актору”, и формат “информации”, который применяется при понимании этих свойств» (Тевено 2006: 25).

Таковыми режимами, согласно Л. Тевено, будут выступать режим близости, или режим привычного, режим планового действия и режим публичного оправдания.

Режим близости, или режим привычного (*régime de familiarité*), — режим, «в рамках которого человек постоянно использует локальные ориентиры в целях регуляции своей вовлеченности в близкие отноше-

ния со своим окружением», причем не только по отношению к людям, но и к привычным вещам: «Привычное обращение со знакомыми вещами... связано с перцептивной и кинестетической информацией о привычных и освоенных “тропах” в местном окружении» (Тевено 2006: 11). Действия в рамках данного режима тяготеют к практикам, имеющим в основе фоновое знание и обладающим зачастую неререфлексивной, повседневной природой. Как отмечает исследователь гражданской активности горожан в защиту историко-культурного наследия Санкт-Петербурга Б. Гладарев: «В “режиме близости” человек крепко вписан в свое окружение, а близкие ему вещи, подобно облаку, продолжают его собственное тело. Этот режим основан на привязанностях и связан с ощущением простоты и уюта в привычном мире» (Гладарев 2011: 77).

Режим планового действия, или интенционального действия (*action en plan*), согласно Тевено, предполагает взвешенное рациональное действие индивидуального агента, связанное с функциональным восприятием мира, необходимого для достижения непосредственной цели индивида (Ковенева 2008: 16). Так, по словам Б. Гладарева, действие в рамках этого режима «ориентировано на здравый смысл, на следование общим правилам и инструкциям, которые часто подразумевают инструментально организованное оценивание ситуации» (Гладарев 2011: 77). Данный режим вовлеченности тяготеет к определению целерационального действия, согласно определению М. Вебера: «Наиболее понятный тип смысловой структуры действий представляют собой действия, субъективно строго рационально ориентированные на средства, которые (субъективно) рассматриваются в качестве однозначно адекватных для достижения (субъективно) ясно и однозначно понимаемых целей» (Вебер 1990: 499). Действия в рамках такого режима вовлеченности будут в большей степени соответствовать интенциональным, рациональным стратегическим действиям акторов в противовес порою не рефлексивно проявляемым практикам.

Режим публичного обоснования (*régime de justification*), по теории Л. Тевено, характеризуется активными действиями в публичном пространстве, публичным обоснованием своей позиции и связан с общими принципами и общими для всех благами. Данный тип социального действия выступает в качестве «более коллективного, чем другие, поскольку оно открыто для публичной критики и оправдания» (Тевено 2000: 86). Действие акторов в контексте режима публичного действия «предполагает переход от единичного к общему, выработку способностей к обобщению, к аргументации своей позиции

с точки зрения разделяемых ценностей и шкалы оценивания (*ordres de grandeur*)» (Гладарев 2011: 78).

В фокусе внимания Тевено находится то, с какой успешностью взаимодействуют режимы вовлеченности, а также способы «переключения» с одного режима на другой в той или иной ситуации (Ковенева 2008: 17).

Для оценки того, в какой степени горожане способны участвовать в принятии решений относительно процессов, которые протекают в городском пространстве и инициаторами которых являются власти, нам будет полезна шкала участия горожан Ш. Арнстейн. Данная шкала предложена Арнстейн в ее труде «Лестница человеческого участия» на примере взаимоотношения муниципалитета как органа власти и населения. Автор представляет нам «лестницу», на каждой ступени которой в иерархическом порядке (от уровня, когда граждане могут самостоятельно принимать решение, до полного отсутствия этой возможности) располагаются: «манипуляция», «забота», «информирование», «консультации», «учет мнения», «партнерство», «делегирование власти», «контроль граждан».

Манипуляция — действия властей, которые направлены на создание видимости, что они учитывают мнение горожан: посредством организации публичных консультаций, собраний и т. д.

Забота состоит в том, что власти делают определенный акцент на последствиях проблемной ситуации, но не на ней самой. Власти, получив жалобы от горожан, стремятся успокоить и уверить их, что последствия проблемы будут устранены, но саму проблему не решают.

Информирование: граждане информируются властями о своих возможностях, правах и т. д., но не в полной мере, а в том объеме, в каком это обладание информацией гражданами удобно властям, либо информация предоставляется только тем гражданам, которые сами заинтересованы в ее получении.

Консультации — «происходит выяснение мнения граждан, что является законным шагом к реализации возможности их полного участия» (Arnstein 1969: 218). Однако это не предполагает и не гарантирует, что проблемы граждан будут в действительности решены. Выяснение мнений чаще всего происходит посредством фокус-групп, общественных слушаний и проведения социологических опросов. Однако в результате «люди прежде всего воспринимаются как статистические абстракции, и их участие можно измерить: тем, сколько граждан являются на встречи с властями, забирают с собой брошюр или заполняют анкету» (Arnstein 1969: 219).

Учет мнения: в данном случае некоторые представители общественности привлекаются к участию в органы власти, при этом они не обладают правом окончательного голоса или принятия решения — они могут лишь выразить свое мнение, принятие или непринятие которого происходит в недрах комитетов планирования, комиссий и т. д. Другими словами, право быть услышанным предоставляется здесь лишь отчасти.

Партнерство предполагает, что происходит перераспределение властных полномочий между гражданами и властями. Власти и горожане сообща принимают решение на основе переговоров, а также договариваются о создании совместных властных структур.

Делегирование власти — власть передает принятие решений в большей мере в руки граждан, которые образуют органы, в дальнейшем уполномоченные принимать решения. Эти структуры обладают правами и определенными ресурсами.

Контроль граждан: этот уровень отличается от предыдущего возросшей степенью участия и веса голоса общественности. Примером таких организаций являются самоуправляемые территориальные единицы (Arnstein 1969: 216–224).

На эмпирическом материале конфликта вокруг случая масштабного сноса гаражей в кооперативе «Парнас» (2009–2012 гг.) мы рассмотрим, к каким режимам вовлеченности Л. Тевено обращаются сильные (городские власти и девелоперы) и слабые (владельцы гаражей и их лоббисты) группы интересов и каким образом меняется взаимодействие акторов конфликта согласно шкале Ш. Арнштейн. Эмпирической базой данного исследования послужили 16 полуструктурированных интервью с активными владельцами гаражных боксов в КАС «Парнас», включая председателя и заместителей председателя профсоюза по защите прав владельцев гаражей «Рубеж», изучение дискурсивных и практических оснований сильных групп интересов основано на анализе релевантных теме исследования открытых материалов информационного портала fontanka.ru, содержащего прямые цитаты.

Стратегии и практики оспаривания гаражей КАС «Парнас» слабыми группами интересов

В 2009 г. городская администрация предоставила компании «Главстрой-СПб» земельные участки в промзоне «Парнас» для строительства крупного жилого комплекса «Северная долина». В радиус застройки попали гаражные кооперативы «Парнас-1, 2, 3, 4», которые

не были обозначены на картах, предоставленных строительной компанией. Это означало, что де-юре гаражей «не существует» и земля отдана «без обременения». Проект «Северная долина» был реализован в рамках стратегии «накопления путем лишения прав владения», поскольку строительство комплекса планировалось непосредственно на месте гаражных кооперативов «Парнас-1, 2, 3, 4». За два года до этого инцидента владельцам гаражей было отказано в «бессрочной» аренде и предоставлены «срочные» договоры аренды земельного надела. 17 апреля 2009 г. владельцам гаражей было дано предписание освободить боксы от имущества и вывезти автомобили, поскольку через месяц планировался снос гаражных боксов во всех четырех кооперативах.

В результате собственникам 8500 снесенных гаражных боксов, на месте которых строительным гигантом «Главстрой-СПб» был построен микрорайон «Северная долина», не было предоставлено никакой компенсации. Городские власти предложили «гаражникам» обеспечить места для организации открытых стоянок за счет потерпевших, каждый из которых должен был выкупить место в паркинге, цена на которое могла в несколько раз превышать стоимость автомобиля, а также отказали в какой-либо денежной компенсации ущерба.

Некоторые владельцы гаражей попытались воспользоваться возможностью смены делегированного субъекта принятия решений относительно оспариваемого пространства в виде приватизации земельного участка под гаражом, однако эта опция, доступная еще несколько лет назад, была уже заблокирована:

«У нас тогда была объявлена приватизация, у нас был в городе Саушин председателем, умудрились проскочить. Ну, маленькие КАСики совсем. И они приватизировали и землю под гаражами. Умудрились. Через полгода, как только объявили приватизацию, через полгода спохватились, приватизацию под гаражами вообще прикрыли. Сколько раз толкались в КУГИ: “Дайте приватизировать. Мы по закону имеем право”. “Нет, железобетонный гараж — совсем не капитальное строение”. “Ну, как же так? Гражданский кодекс, статья 30”. “Нет, у нас есть инструкция”» (Интервью 10. Мужчина. Заместитель председателя профсоюза «Рубеж»).

Ранее обращение владельцев боксов КАС «Парнас» к действию по приватизации гаражных строений не являлось востребованной и необходимой мерой, поскольку права собственности на эти строения не проблематизировались сильными группами интересов: «Невозможно, да. То есть это уже не оформлено. У кого-то что-то, они сейчас

побежали в ПИБ оформлять, а оформлять на то, чего уже нету, тоже нечего, вот» (Интервью 12. Мужчина).

Воспользоваться возможностями ухода от ситуации сноса не удалось даже тем, кто успел оформить гараж в ПИБе: приватизация боксов и наличие соответствующих документов, подтверждающих частную собственность на гаражи, не оградили их от сноса:

«И: Те, кто успел приватизировать, они являются сейчас собственниками?»

О: Один КАС уже нет.

И: Это как?

О: А так.

И: Ничего себе! У них документы на все. Это за гранью добра и зла...» (Интервью 7. Мужчина).

Некоторые владельцы бокса в КАС «Парнас» предпринимали действия по продаже гаража. Однако эти попытки не увенчались успехом, поскольку собственники не смогли найти покупателей.

Поэтому инициативные владельцы гаражей для отстаивания своего права на достойную, по их мнению, компенсацию ущерба в виде денежного эквивалента рыночной стоимости бокса или гаража в ином месте, а также для защиты гаражей от сноса обратились к публичному протесту, который развернулся в поле всех трех режимов вовлеченности, в терминологии Л. Тевено: режима планового действия, публичного оправдания и режима близости (Thévenot 2006). Изначально «гаражники» пытались индивидуально отстаивать свои права в контексте планового действия. Однако по ходу разворачивания протеста инициативные владельцы гаражей выбрали стратегию самоорганизации и кооперации в рамках коллективного действия, посчитав ее лучше соответствующей поставленным целям: *«То есть, когда мы все это начинали, то первое время это делали для себя, а потом пошло-поехало, мы уже это делали для людей. Мы пытались как-то собрать людей. Мы прекрасно понимали, что интересы наши неотделимы от интересов других гаражников. А вместе эти интересы защищать проще»* (Интервью 11. Председатель профсоюза владельцев гаражей «Рубеж»).

Инициативные владельцы гаражей подчеркивали необходимость решать вопрос в первую очередь легальными способами защиты прав собственности на имущество в рамках режима планового действия. Тем не менее, как будет показано ниже, подобные попытки не имели значительного успеха:

«Оружие? Ну, да, было оружие. Но мы не призывали к восстанию, мы как раз призывали всегда: “Давайте жить по закону”. Вот. “Вам нужна эта земля? Мы не против. Но дайте нам то, что положено”» (Интервью 10. Мужчина. Заместитель председателя профсоюза «Рубеж»).

Таким образом, гаражники обратились к широкому репертуару стратегий в рамках режима планового действия. Предъявляя свои претензии городским властям и инвесторам, они:

— подавали прошения в различные инстанции:

«...а в Москве все правление. Судебные приставы главные в Москве, министр МВД в Москве, мы ему еще не писали, вот. Президенту еще нынешнему не писали, не радовали» (Интервью 10. Мужчина. Заместитель председателя профсоюза «Рубеж»);

— обращались с исковыми заявлениями в суд и милицию. Однако в связи с тем, что ответчиками являются сильные группы интересов, принимающие решения по поводу заявок владельцев гаражей, подобные действия не имели успеха:

«На самом деле, в судах говорят... судебная практика только отрицательная. Ну, знаю, что были и выигранные, но, правда, ждать им до сих пор еще долго. Хорошо, а кто должен все это? Судебные приставы, которые имущество воровали? Кто эти судебные решения будет исполнять? Мы пришли к судебному приставу: “Вот”. “Да, хорошо. Я напишу представление. Вот тебе представление, иди”. “Братан, это твои обязанности”. Ничего. С этим уже сталкивались» (Интервью 10. Мужчина. Заместитель председателя профсоюза «Рубеж»);

— выдвигали в качестве депутата-конкурента Валентине Матвиенко в муниципальном округе одного из своих представителей:

«Турухтанские острова — это вообще уже давно, еще до выборов Валентины Ивановны. Ну, она там что-то прокудахтала, но это слова. Как ее выбирали? Нам рассказали, что она будет избираться в Александровке. Мы решили своего ей в противники. Все, нашли человека, нам помогали из партии там. Его кандидатом. И вот узнаем, что она в какой-то Речке» (Интервью 10. Мужчина. Заместитель председателя профсоюза «Рубеж»);

— лоббисты интересов владельцев гаражей в ЗакСе (Борис Вишневецкий, Сергей Малков) прилагали усилия по разработке и утверждению закона, который учитывал бы потребности и требования слабых групп интересов:

«И все инициативы, они, ну... когда обсуждался первый закон, в 11-м году это было, осенью. Я наблюдал это в Смольном. Все поправки, которые пытался протолкнуть Нилов, они были отмечены. Даже поправку,

что в законе нету ни одной ссылки на федеральный закон. “Так давайте мы напишем, что, ссылаясь на Конституцию...” Отклонили» (Интервью 10. Мужчина. Заместитель председателя профсоюза «Рубеж»).

Лишь одно из действий в рамках попыток легального решения возникшей проблемы возымело успех: это наложение кратковременного моратория на снос гаражных кооперативов новым губернатором Георгием Полтавченко после письменного обращения к нему членов профсоюза владельцев гаражей «Рубеж»:

«Я лично (не слышно), договорился, написал жалобу Полтавченко, поехал к ребятам, там подписал, оттуда поехал в приемную, отдал. Ее не брали: “Все некогда”. И Полтавченко наложил мораторий. До принятия закона. Ну, закон приняли достаточно быстро, еще до выборов. Мораторий уже закончился до выборов» (Интервью 9. Мужчина. Заместитель председателя профсоюза «Рубеж»).

Параллельно немногочисленные активисты, защищавшие интересы владельцев гаражей на «Парнасе», действовали в рамках режима близости:

— строили баррикады на территории кооператива: *«Ну, и потом уже начались, они уже с первого “Парнаса” эти все битвы. Когда-то там что-то сдерживали. Баррикады. Ворота снесут, едут, мы поставим. Тракторы приедут, мы подходим, говорим: “Сейчас ты поедешь и будешь крошить. Кто тебя поставил? Вот, смотри, мы тебя сейчас сфотографируем. Везде будешь фигурировать ты. Когда подадут в суд, везде будет твоя, извини, рожка. Твое начальство уволит тебя задним числом. От тебя там быстро все отмажутся. Так что думай!”»* (Интервью 9. Мужчина. Заместитель председателя профсоюза «Рубеж»);

— прибегали к всевозможным маневрам и тактикам сопротивления: *«Мы отбили у них газовые баллоны. Потом пошли с другой стороны резать, вот. Они испугались, эти работяги, удрали, газовые баллоны побросали, мы пошли их и утопили в болото, значит. Там, горелку отобрали, согнули узлом»* (Интервью 9. Мужчина. Заместитель председателя профсоюза «Рубеж»);

— восстанавливали разрушенные постройки при помощи подручных материалов, что свидетельствует об использовании техники «бриколажа», подробно описанной К. Леви-Строссом как использование средств, предметов, которые имеются в наличии, но не предназначены напрямую именно для совершения с ними подобных действий (Леви-Стросс 1994): *«Кто-то там надывбал шламбаум, кто-то подарил, кто-то сказал, что: “Да мне гараж железный не нужен”, затащили этот гараж,*

таскали балки, фундамент там выкладывали. Сделали очередную будку для сторожей» (Интервью 10. Мужчина. Заместитель председателя профсоюза «Рубеж»);

— на своих автомобилях перекрывали движение на близлежащих улицах, используя локальное знание о территории и ее транспортных потоках: «Ну, там ребята посоветовали: давайте поставим машины, движение достаточно напряженное, мы сократим движение в один ряд, и пробки будут до Финляндского вокзала, а там до Кольцевой. И от Кольцевой и еще не известно докуда» (Интервью 9. Мужчина. Заместитель председателя профсоюза «Рубеж»);

— прибегали к скрытым тактикам сопротивления и запугивания, своеобразной партизанской войне против представителей сильных групп интересов: «Делается это так. Узнается, где человек живет. Вывешивается фотография. Черным по белому, в парадное, ночью эта фотография: “Этот человек сделал то-то, то-то, то-то. Акт недоверия”. Типа того. Ну, естественно, у этого человека есть машина. На багажнике вот так вот. У него есть квартира. Пока он на работе, можно подойти потихонечку и “макрофлексику” ему в замочную скважину. Пускай открывает. И вот так вот несколько раз» (Интервью 9. Мужчина. Заместитель председателя профсоюза «Рубеж»);

— закрывались в гаражах и тем самым препятствовали сносу: «Мы заперлись в гараже. Это была такая самооборона как бы. Но не тут-то было. Подъехал такой “уазик” и случилось невообразимое. Газами из выхлопной трубы он стал нас оттуда чуть ли не выкуривать» (Интервью 3. Мужчина).

Следуя сетевому принципу самоорганизации локальных сообществ, оспаривающих городское пространство, активные владельцы гаражей инициировали организацию пространственных тактик (Certeau de 1984) сопротивления другой инициативной группы, которая защищала сквер на улице Ивана Фомина от уплотнительной застройки: «Я подъехал туда. И они там, как бы ходят... Мы-то уже как бы сорганизованы, а эти еще... Я смотрю, с администрацией... А тут две женщины, говорят: “А что мы тут стоим и стоим. Все согласны, жители-то, что сквер нужен”. “А давайте пойдём, перекроем”. Пошли. А они говорят: “Так никто не идет”. “Так пошли. Главное, чтобы первый кто-то пошел”. Ну, мы втроем первые вышли, а за нами еще десять человек. А потом еще. Толпа стоит, транспорт не ходит, люди не знают, что делать. Народ тут уже вышел» (Интервью 10. Мужчина. Заместитель председателя профсоюза «Рубеж»).

Стратегии и практики оспаривания гаражей КАС «Парнас» сильными группами интересов

Депутаты Законодательного собрания, следуя режиму публично-го оправдания, инициировали импровизированное заседание, посвященное возможным путям разрешения конфликта, пригласив на него неактивных владельцев гаражей, среди которых не было представителей профсоюза «Рубеж». Таким образом, сильные группы интересов создали видимость публичного обсуждения и учета мнения горожан (Arnstein 1969).

Однако необходимо подчеркнуть, что в ходе реализации решений властей о сносе на местах представители сильных групп интересов в борьбе с владельцами гаражей также прибегали к тактикам: например, в случае, когда «гаражники» запирались в своих боксах, ОМОН подъезжал на «УАЗе» и выхлопными газами «выкуривал» людей из гаражных строений: *«Практиковалась вот такая процедура: тех, кто заперся в гаражах, выкуривали выхлопными газами “уазиков”, которые подгоняли омововцы»* (Интервью 14. Мужчина).

Также сильные группы интересов активно прибегали к режиму планового действия в помощи по реализации градостроительного проекта «Главстрой-СПб»: они блокировали возможности оформления владельцами гаражей их боксов в частную собственность, игнорировали или отвечали отказом на запросы слабых групп интересов, составляли постановления и инструкции по предоставлению компенсации, отказывали в удовлетворении исков гаражников и т. д.

Решение вопроса о предоставлении компенсаций бывшим владельцам гаражей, а также о форме предоставления этих компенсаций имело несколько последовательных стадий, выраженных в увеличении уступок со стороны сильных групп интересов (в первую очередь — властей).

Первая стадия: городские власти отказываются платить компенсации, поскольку собственность на гаражи — «неформальная», юридически не закреплённая, а гаражи — временные и движимые объекты. В ответ на это владельцы гаражей апеллируют к мифу о неприкосновенности частной собственности на Западе и требуют легализации частной собственности на гараж.

Вторая стадия: власти заявляют, что гаражники могут выбрать натуральную компенсацию в виде земельного надела для организации паркинга или стоянки. В ответ гаражники утверждают, что подобная

компенсация не эквивалентна понесенным потерям, а данный земельный надел не будет легализован: *«Ну, прошлись по всей этой территории. Буераки, болота, свалка. Все это было нужно за свои деньги очищать, грунт завозить. Ну, перед тем как туда можно было машину поставить, нужно было вложить с человека, мы считали, с человека 50 тысяч, два месяца работать. А через три года, по нашим сведениям, “Северная долина” растет и развивается, и ей нужны будут выезды... По нашим сведениям, тут должна будет пройти дорога как раз по гаражам. И получается, что мы... обсыпку-то мы с собой не заберем. А они радостно на этой обсыпке положат асфальт, и будет дорога. И экономят свои бабосы. А разницу положат себе в карман. И опять нас кинут»* (Интервью 9. Мужчина. Заместитель председателя профсоюза «Рубеж»).

Третья стадия: городская администрация настаивает на том, что в случае конфискации земельного надела под гаражами под реализацию региональных проектов выплаты будут производиться из средств городского бюджета, в то время как в ситуации передачи земли бизнес-структурам бремя выплат ляжет на плечи инвесторов. Эта система зафиксирована в законе «О мерах по обеспечению имущественных прав граждан, являющихся владельцами гаражей на территории Санкт-Петербурга» от 21 октября 2011 г. Примечательно, что в данной ситуации государство склонно к сохранению своеобразного «патернализма» по отношению к владельцам гаражей, характерного и для СССР. Однако инвесторы отказываются решать имущественные вопросы с владельцами гаражей, поскольку приобрели земельные участки «без обременения». В этой ситуации владельцы гаражей заявляют о несправедливости разделения снесенных гаражей на те, которые были уничтожены для государственных нужд (что означает большую вероятность получения компенсации), и те, которые снесли для инвестора. В последнем случае получение компенсации затруднено или вообще невозможно. Более того, закон от 2011 г. не имел обратной силы, поэтому большая часть потерпевших вообще не могла рассчитывать на субсидии.

Четвертая стадия: под давлением инвесторов и в результате протестов горожан принят закон, согласно которому из городского бюджета будут по твердой схеме (с учетом износа, возраста и материала, из которого был изготовлен бокс) выплачены компенсации всем владельцам, чей гараж был снесен после 11 октября 2008 г. Это закон «О мерах по обеспечению имущественных прав граждан, являющихся владельцами гаражей на территории Санкт-Петербурга» от 19 сентября 2012 г.

Однако горожан не устраивает размер выплат за снесенные боксы, потому что он не соответствует рыночной стоимости строений. Некоторые гаражники выступают за выделение натуральной компенсации в виде земельного надела и требуют его легализации как частной собственности бывших владельцев гаражей.

Между тем, по мнению председателя КУГИ Дмитрия Куракина, окончательный закон принят для избавления от социальных издержек, а не для удовлетворения юридически обоснованных прав собственников. Гаражи остаются нелегальными и будут и впредь подвержены сносу: *«Мы считаем, что проблема сноса гаражей и выплата компенсаций за них не столько гражданско-правовая, сколько социальная, и поэтому вносимые нами изменения в действующее законодательство, как нам кажется, позволят снизить социальную напряженность при решении имущественно-правовых вопросов с владельцами гаражей»* (http://www.neva24.ru/a/2012/03/28/Smolnij_zaplatit_za_snes/).

Таким образом, можно утверждать, что сильные группы интересов были вынуждены постепенно разворачивать действия в рамках стратегии забот (Arnstein 1969), свидетельством чему служит решение о предоставлении компенсаций.

Однако, по мнению владельцев гаражей, реализация закона на практике крайне затруднена. Так, по словам Бориса Карпова, существует неточность в определении характеристик гаража (особенно снесенного) и вообще владения боксом в ситуации, когда все гаражи уничтожены. Эти обстоятельства свидетельствуют о недостаточном информировании слабых групп интересов городскими властями:

«То есть непонятно, на каких основаниях, документах, должны давать компенсацию. На основании документов из ПИБа? Из того же “Парнаса” из 8500 имеют, ну, процентов 10. А остальные как? У них просто паспорт на гараж, который не имеет никакого юридического основания. А как родственники, которым принадлежал гараж и которые лет 30 не могут вступить в права наследования? У каждого такие ситуации. Первое, непонятно, на основании каких документов будут все это платить, на основании чего будет рассчитываться компенсация, будет рассчитываться коэффициент. Да, вот, когда у вас гараж стоит, его можно посмотреть. А когда гаража нет, как можно доказать, какой у тебя был гараж?» (Интервью 11. Председатель профсоюза владельцев гаражей «Рубеж»).

Выводы

В ходе описанных выше «гаражных войн», разворачивающихся на оспариваемых территориях и в судах, собственность превращается из простого объекта в сложную совокупность отношений между владельцем территории и претензиями всех остальных на обладание этой территорией. Собственническая модель распоряжения городским пространством, навязываемая администрацией и инвесторами и основанная на «праве исключать», постоянно оспаривается рядовыми горожанами, которые претендуют на «право не быть исключенными» (Blomley 2003). В ситуации неопределенности прав собственности на гаражные строения и неоднозначного статуса земельных участков под ними права собственности проблематизируются и становятся «договорной категорией», ориентированной на прецедент. Индикатором этого процесса является факт выплаты компенсации бывшим владельцам боксов за принудительный снос гаража. Компенсация на всем протяжении конфликта в одних условиях назначается, хотя для этого действия нет никаких юридически закреплённых оснований, как нет и формализованной процедуры подсчета стоимости гаражного бокса, в других — отменяется, в одних используется рыночный эквивалент стоимости гаража, в других — нерыночный.

Владельцы гаражей в промзоне «Парнас» имели потенциальную возможность воспользоваться опцией смены делегированного субъекта принятия решений в виде оформления бокса в частную собственность. Большинство владельцев гаражей не предприняли этих действий до сноса, поскольку статус гаражного строения не проблематизировался сильными группами интересов. Тем не менее возможность оформления гаража в частную собственность была заблаговременно заблокирована городской администрацией. Параллельно данной опции существовала и альтернативная ей стратегия — в виде быстрой продажи гаража. Впрочем, и данная стратегия оказалась неудачной в связи с отсутствием спроса.

Ввиду невозможности реализации защитных действий в рамках опции смены делегированного субъекта принятия решений владельцы гаражей на КАС «Парнас», вынужденные защищать свои права собственности на строение, консолидировались в сообщество, осознающее свои интересы и потребности, и приняли форму организованной группы. Слабые группы интересов развернули крупномасштабные акции, обратившись к публичному протесту в контексте режимов планового и действия, публичного оправдания и близости. Между тем действия соглас-

но режиму планового действия, для легитимации которых «гаражники» апеллировали к административно-бюрократическому миру, оказались в наименьшей степени результативными. Исключение составили лишь некоторых из них: наложение временного моратория на снос в период смены губернатора города, одно выигранное судебное дело. Поэтому активные владельцы гаражей были вынуждены обратиться к другим представителям кооперативной автостоянки на «Парнасе» с целью солидаризации и самоорганизации группы, а также оправдания своей позиции перед СМИ, сильными группами интересов и широкой общественностью. В ходе непосредственного сопротивления сносу, а также в рамках публичного протеста и своеобразных партизанских действий владельцы гаражей обратились к маневрам на территории, а также к пространственным тактикам (Certeau de 1984) и бриколажу. Необходимо подчеркнуть, что множество защитных действий, к которым прибегали владельцы гаражей, находились на границе двух или более режимов вовлеченности. Так, например, для осуществления действий в контексте режима близости слабые публики обращались к ресурсам публичного оправдания (приглашение СМИ для фиксации борьбы на баррикадах), а для более успешного решения задачи в контексте публичного протеста — задействовали возможности режима близости (монтирование карикатурного плаката на городской магистрали).

Сильные группы интересов, а именно городские власти и фирма-застройщик ООО «Главстрой-СПб», для осуществления сноса гаражей и реализации градостроительных планов на месте бывшего КАС «Парнас» обратились к режиму планового действия, легитимируя свою позицию в рамках административно-бюрократического мира. В контексте режима планового действия «сильные» апеллировали к нормам и законам, согласно которым гаражи не являются капитальным объектом недвижимости, а также к миру рынка, ссылаясь на необходимость осуществления рентабельного «для города» проекта. Во взаимодействии (Arnstein 1969) со слабыми группами интересов городские власти прибегли к стратегии манипуляции, организовав публичное заседание ЗакСа совместно с неактивными владельцами гаражей. Они также воспользовались некоторыми возможностями стратегии заботы: не учитывали последствия сноса, выдвигали проекты по предоставлению компенсации, которые дискриминировали активных владельцев гаражей. Наконец, применялась и стратегия информирования: владельцы снесенных гаражей не в полной мере информировались о возможностях и препятствиях для получения компенсаций.

Источники

- Вебер М.* Избранные произведения / Под ред. Ю. Н. Давыдова. М.: Прогресс, 1990.
- Гладарев Б.* Историко-культурное наследие Петербурга: рождение общественности из духа города // От общественного к публичному / Под ред. О. Хархордина. СПб.: изд-во ЕУСПб, 2011. С. 71–304.
- Джеймс У.* Прагматизм / Пер. П. С. Юшкевича // Джеймс У. Воля к вере. М.: Республика, 1997.
- Дюркгейм Э.* Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология. М.: Канон+, 1998.
- Йоас Х.* Креативность действия. СПб.: Алетейя, 2005.
- Ковенева О. В.* Французская прагматическая социология // Социологический журнал. 2008. № 1. С. 5–21.
- Леви-Стросс К.* Первобытное мышление. М.: Республика, 1994.
- Тевено Л.* Какой дорогой идти? Моральная сложность «обустроенного» человечества // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. 3. С. 84–111.
- Тевено Л.* Креативные конфигурации в гуманитарных науках и фигурации социальной общности // Новое литературное обозрение. 2006. № 1 (77). С. 285–313.
- Тевено Л.* Прагматика познания. Введение: исследование связи между познанием, коллективностью и практикой // Социологический журнал. 2006. № 1–2. С. 5–39.
- Arnstein S. R.* A ladder of citizen participation // Journal of the Royal Town Planning Institute. 1969. № 35 (4). P. 216–224.
- Blomley N.* Unsettling the City: Urban Land and the Politic of Property. New York: Routledge, 2003.
- Certeau de M.* The Practice of Everyday Life. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1984.
- Dewey J.* Reality as experience // The Journal of Philosophy, Psychology and Scientific Methods. 1906. Vol. 3. № 10. P. 253–257.
- Heywood A.* Politics. London: MacMillan, 2007.
- Monibot G.* The Captive State: The Corporate Take-Over of Britain. London: Pan, 2011.
- Thévenot L.* L'action au pluriel. Sociologie des régimes d'engagement. Paris: La Découverte, 2006.
- Thévenot L.* Le régime de familiarité: des choses en personnes // Genèses. 1994. № 17. P. 72–101.